

Е. А. РАДЗИХОВСКАЯ

**НОВАЯ ПУБЛИКАЦИЯ ДОКУМЕНТОВ
О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ БАНКОВСКОЙ КОМПАНИИ
БУОНАККОРСИ: ПРОЦЕСС ПРОВАНСАЛЬСКОЙ
ДВОРЯНКИ СИБИЛЛЫ ДЕ КАБРИС
ПРОТИВ МАТТЕО ВИЛЛАНИ**

В 1992 г. в серии публикаций широко известного в кругах медиевистов научно-исследовательского учреждения «Французская школа в Риме» вышло собрание документов, представляющих несомненный интерес для историков, филологов-романистов, правоведов, этнографов. Документы транскрибированы и снабжены кратким резюме профессором марсельского университета Ноэлем Куле (1). Они происходят из архива старинной флорентийской судебной палаты «Меркантина» и дают нам любопытный образец судопроизводства середины XIV в. Собрание это включает в себя большой реестр, содержащий протокол допросов свидетелей по делу провансальской дворянки Сибиллы де Кабрис, вчинившей иск итальянскому банкиру Маттео Виллани, грамоты, исходящие из канцелярий короля Неаполитанского и администрации графства Прованс, а также разнообразные нотариальные акты.

Подобного рода источники были всегда мало доступны историкам из стран нынешнего СНГ. А между тем именно они и особенно частноправовые документы составляют основную массу письменных памятников по истории западноевропейского средневековья, начиная с XII в. Важность изучения частных актов подчеркивала в свое время выдающаяся советская исследовательница А. Д. Люблинская (2). Тем не менее памятники эти известны и используются у нас еще очень слабо. Почти полностью обойдены вниманием нотариальные акты как специфический тип источника даже в источниковедческих обзорах, предназначенных для подготовки медиевистов (3). Таким образом, можно говорить о своеобразной лакуне, вырисовавшейся достаточно наглядно в этой области историко-

ведения истории средних веков. Настоящая статья не может, однако, претендовать на то, чтобы эту лагуну заполнить. Источниковедческие изыскания по типологизации и анализу информативной ценности нотариальных актов требуют усилий многих ученых, в том числе специалистов по римскому праву. Мы постараемся лишь обозначить наиболее существенные характеристики публикации, выполненной Н. Куле.

Как уже отмечалось, документы коллекции отражают тяжбу между дворянкой из Верхнего Прованса, Сибиллой де Кабрис, и флорентийским купцом и банкиром Маттео Виллани, возглавлявшим с декабря 1341 г. неаполитанское отделение торгового дома Буонаккорси. Суть тяжбы состоит в следующем. Весной 1342 г. Сибилла де Кабрис, вдова Аннибала де Мустье, сеньера деревни Антревен и попечительница своего единственного сына, продает землю в Южной Италии. Она поручает своему доверенному лицу, Одиберу Раймбо, доставить вырученные деньги в Прованс. Не решаясь подвергать деньги риску собственноручной перевозки по суше или по морю. Одибер выбирает в Неаполе агенство торгового дома Буонаккорси, кажущегося ему надежным. Компания Буонаккорси должна обеспечить перевод денег из Неаполя в Прованс. Однако Буонаккорси терпят крах. Представители их дома в Авиньоне спасаются бегством, не оплатив счетов. Чтобы возвратить свои деньги, Сибилла обращается в судебную палату «Мерканция» во Флоренции. После ряда проволочек 13 января 1357 г. во Флоренции открывается длительный процесс, материалы которого дают нам редкую возможность проникнуть в круг проблем, с которыми сталкивалось приходящее в упадок мелкое дворянство Юга Франции в середине XIV в.

Острая нужда в деньгах заставляет Сибиллу, происходившую, как и ее покойный муж, из старинной провансальской аристократии (4), продать имение в Италии за 1591 флорин. Документы коллекции, а также данные из провансальских архивов, приведенные в комментарии Н. Куле, наглядно показывают экономические трудности, испытываемые Сибиллой де Кабрис. С другой стороны перед нами предстают противники Сибиллы, купцы из компании Буонаккорси, ловкие и беспринципные дельцы, чье процветание порою весьма мало зависит от их усилий (5). Свидетели, проходящие по делу Сибиллы, — дворяне, горожане, чиновники своими показаниями помогают воссоздать картину быта провансальской деревни с ее обычаями, миропониманием, социальными взаимоотно-

нениями. Весьма любопытна и сама процедура судопроизводства, обнаруживающая значительное влияние римского права.

Для решения своего вопроса Сибилла обращается в палату «Мерканциа». Это учреждение было создано во Флоренции в 1309 г. с тем, чтобы заниматься вопросами репрессалий, которые могли быть практикуемы против флорентийцев за пределами их государства (6). Палата «Мерканциа», разбиравшая, таким образом, тяжбы с иностранцами, возглавлялась иноземным чиновником. Этот человек должен был быть нотариусом, избравшимся консулами пяти старших цехов Флоренции. Жалоба иностранца могла подаваться в «Мерканцию» в виде письма, утвержденного публично-правовым учреждением, городом, бароном или сеньером. Вот почему Сибилла, выбирая себе прокурора для ведения дела в суде, обращается одновременно к сенешалю графства Прованс, маршалу временно пребывающей в Авиньоне курии, полномочному представителю епископа Риезского (к его диоцезу относится сеньерия Антревен). После этих инстанций жалобы Сибиллы направляются к флорентийским приорам цехов, гонфалоньеру справедливости, главе палаты «Мерканциа» и ее советникам (7).

Дело излагает суду сер Дзаноби ди Буонаюто Бенуччи, флорентийский нотариус и прокурор дамы Сибиллы де Кабрис. Отметим попутно, что ремесло нотариуса, секретаря канцелярии, секретаря суда приобреталось в соответствии с общими правилами, действовавшими во всей Западной Европе и имевшими первоисточником римское право. Правила эти сформировались, очевидно, впервые в Италии (8), а затем распространились в Германии, Франции, Англии. Такое правовое единообразие, а также латиноязычие служителей закона в значительной степени облегчало ведение дел, где в качестве тяжущихся сторон выступали люди из разных стран. Тем не менее судебные разбирательства не были свободны от изощренного крючкотворства, и дело Сибиллы де Кабрис вполне это подтверждает.

Противники Сибиллы прибегают к разнообразнейшим ухищрениям для того, чтобы затянуть дело до бесконечности. И хотя они не столь рельефно выступают из документов, как другие действующие лица этой истории, мы видим, что Сибилла столкнулась с людьми вполне юридически образованными, жесткими, целеустремленными и неразборчивыми в средствах. Жалоба Сибиллы направлена против Маттео Вил-

лани, Бандино Буонаккорси, Россо Альдебрандино, Джованни и Беттино Буонаккорси. Компания Буонаккорси, которую исследователи считают одной из среднепроцветавших флорентийских купеческо-банковских корпораций, торговала тканями, шерстью, зерном, а также занимались финансовыми операциями, обслуживая крупных и мелких феодалов и папский двор в качестве банкиров (9). Означенные выше лица связаны узами родства. Некоторые из них хорошо известны историкам не только как купцы, и эту деталь хочется подчеркнуть особо. Маттео Виллани, главный виновник несчастья Сибиллы, является автором знаменитой хроники, которую он продолжал после смерти своего брата Джованни (1348 г.) и довел до 1363 г. Хроника братьев Виллани стоит у истоков ренессансной историографии и, в частности, того направления итальянской этической мысли, которое мы называем гражданским гуманизмом (10).

Для исследователя итальянского Возрождения было бы очень любопытно сопоставить этические взгляды Маттео с его реальной деятельностью и мотивацией поступков, каковыми они выступают в деле провацсальской дворянки.

Появившись в суде, Беттино, Бандино и Торриджано Буонаккорси вместе с Маттео Виллани немедленно атакуют свою противницу. Они придираются прежде всего к процедуре, оспаривая право сэра Дзаноби представлять Сибиллу в суде (11). После того, как Дзаноби предъявил ряд соответствующих документов, купцы нашли другую придирку: по их мнению, нотариальный акт, удостоверяющий полномочия Дзаноби, был, якобы, выполнен лицом, не являвшимся публичным нотариусом. Когда удастся отвести и это заявление, Буонаккорси и Виллани предъявляют претензии к одной из формулировок нотариального акта, где сообщается, что сын Сибиллы, Аннибальде, является законным наследником своих отца и матери. Купцы истолковывают это таким образом, что Сибилла, стало быть, мертва и не может выступать истицей в суде. Поскольку вместо Сибиллы в суде действительно выступал Дзаноби, то ему пришлось представить, помимо прочих документов, подтверждающих его полномочия и правомочность Сибиллы, еще и акт о том, что Сибилла де Кабрис действительно жива. Но Буонаккорси не сдаются.

Растянув процедурные вопросы на полгода, они находят еще одну лазейку. Воспользовавшись ляпсусом итальянского нотариуса, обозначившего фамилию Сибиллы «де Капри», они заявляют, что Сибилла де Кабрис — совершенно не то

шно, которое фигурирует в обязательствах компании. Буонаккорси пускаются в длинные рассуждения о том, что Канри относится к Сицилийскому королевству, а их истица продвигает в Провансе, в диоцезе Ниццы. Поэтому нельзя ведь отдавать одной то, что положено другой и, значит, судьи должны положить конец разбирательству и даже возместить несправедливо обвиняемым купцам ущерб. Дзаноби вынужден собирать дополнительные документы и требовать от суда официального расследования в Провансе на базе вопросника-лишкеты, который он составил лично. Со своей стороны Буонаккорси требуют контррасследования, желая во что бы то ни стало опровергнуть факты, представленные Дзаноби. Наконец, 21 сентября 1359 г. сенешаль Прованса возлагает на портарнуса Гийома Портанье расследование, решение о котором вынес суд «Мерканция».

Свидетельства, собранные Гийомом Портанье в Антревене и Риезе с 28 сентября по 12 октября 1359 г., устанавливают, что в Антревене действительно существует дама Сибилла де Кабрис, вдова Аннибала де Мустье, мать и попечительница Аннибальде де Мустье; что эта дама поручила Одиберу Раймбо из Грасса продать замок Фонтану в Южной Италии и что Одибер передал деньги от этой продажи представителю тосканской торговой компании с тем, чтобы они были переведены из Неаполя в Прованс; что в результате краха этой компании Сибилла де Кабрис никогда не получила причитающийся ей 1591 флорин и что замечания Буонаккорси лишены оснований. К этим свидетельствам Дзаноби прибавил еще и переписанные собственноручно Гийомом Портанье документы, которые дополнительно подтверждают правоту обвинения:

1. брачный контракт Аннибала де Мустье и Сибиллы де Кабрис от 20 января 1331 г.;
2. признание предоставления приданого (означающее, что брак заключен юридически, и фактически), от 26 января 1331 г.;
3. протокол с заявлением Раймонда де Грасс о том, что его дочь, вдова Аннибала де Мустье, беременна от 29 января 1336 г.;
4. протокол, в котором Бонифаций Сальвани из г. Диня, осуществляющий опеку над беременной Сибиллой, заявляет о том, что не может составить полный инвентарь имущества, оставленного Аннибалом де Мустье, от 5 февраля 1336 г.;
5. протокол, содержащий заявление Сибиллы де Кабрис

о предоставлении ей трех помощников для осуществления совместной опеки над сыном, от 19 апреля 1336 г.;

6. письмо короля Роберта из Неаполя от 24 ноября 1336 г., утверждающее Сибиллу де Кабрис попечительницей своего сына Аннибальде;

7. выписка из архивов нотариуса Раймона Филиппи, осуществленная по приказу бальи и заместителя судьи судебной палаты г. Диня, удостоверяющая, что Сибилла де Кабрис передала опеку над сыном трем лицам;

8. официальное письмо Сибиллы де Кабрис, отправленное из Антревена в апреле 1339 г. и поручающее Одиберу Раймбо из Грасса управлять имением Фонтана в Италии;

9. официальное письмо из Антревена от 3 мая 1339 г., поручающее Одиберу Раймбо из Грасса и Пьеру де Кадене, рыцарю из Грасса, находившемуся тогда в Неаполе, управление всем имуществом, которым семья Мустье обладает в Неаполитанском королевстве;

10. протокол, выполненный 5 марта 1340 г. Раймоном Пеласи, нотариусом из Грасса, по поводу представления Понсу Филиоли, судье Грасса, письма короля Роберта, упомянутого выше и адресованного Сибилле 23 ноября 1336 г.;

11. письмо сенешаля Филиппо ди Сангинето, отправленное из Эксан-Прованса 29 мая 1340 г. викарию и судье г. Грасса по просьбе Сибиллы де Кабрис с тем, чтобы содержать в грасской тюрьме Жака Барле, мелкого дворянина из Антревена, бывшего управителя замка Фонтана, наследником которого является сын Сибиллы, Аннибальде;

12. письмо короля Роберта из Неаполя от 22 ноября 1332 г., предписывающее сенешалю Прованса охранять права Аннибала де Мустье, в отношении имущества недавно упокоившегося отца;

13. официальное подтверждение нотариусом из Грасса, Фульком Вердери, полномочий Одибера Раймбо из Грасса в отношении продажи имущества, которым Сибилла располагает в Неаполитанском королевстве в качестве попечительницы своего сына, от 5 марта 1341 г.

Протокол расследования и эти 13 документов были вписаны сером Дзаноби в большой регистр и представлены в «Мерканцию» 30 октября 1360 г. Буонаккорси тотчас же начали оспаривать подлинность представленного и вновь принялись муссировать тезис о существовании двух Сибилл. При этом они еще и заявили, что если бы даже и существовала одна лишь Сибилла де Кабрис и если бы ее иск был право-

мерен, то возмещение ими убытков никак не могло бы проходить во Флоренции, но должно было бы осуществляться исключительно из капиталов, полученных от ликвидации дел компании в Неаполе или Провансе. Очевидно, Буонаккорси удалось еще затянуть процедуру. Судебное разбирательство возобновилось 21 января 1362 г. Из его материалов ясно, что Сибилла так и не получила удовлетворения. В последний раз в деле встречается упоминание в отчетах «Мерканции» за 12 июля 1362 г. — и здесь та же картина. Вероятно, следует положиться на мнение исследователя деятельности компании Буонаккорси, М. Луццати, считающего, что Сибилла де Кабрисе вынуждена была заключить сделку со своими противниками и удовольствоваться гораздо меньшей суммой, нежели та, что ей причиталась (12).

Но независимо от того, сколько флоринов получила (или не получила) провансальская дама, содержание дела представляет значительный интерес. В этой публикации, тщательнейшим образом транскрибированной и снабженной кратким, но богатым и глубоким комментарием Н. Куле, мы находим уникальные во многих отношениях документы. Во-первых, это никогда не издававшиеся ранее частно-правовые и публично-правовые хартии, в том числе две грамоты из утраченных архивов курии Неаполитанского королевства. Во-вторых, провансальские нотариальные акты этого издания интересны тем, что для данного периода сохранилось очень немного регистров, и поэтому публикация предоставляет довольно редкие образцы провансальской нотариальной практики. И, наконец, в-третьих, означенные памятники освещают нам самые различные стороны частной и общественной жизни провансальцев и итальянцев, что составляет их большую информативную ценность. Остановимся на некоторых аспектах информативного плана.

Выше мы обрисовали в самых общих чертах сущность судебной процедуры в «Мерканции». Как мы видели, она базируется на опросе свидетелей и носит инквизиционный характер. Старинная присяга фигурирует лишь в качестве формальности. Вместе с тем, вмешательство провидения мыслится обязательным, что отражается в наличии благочестивых формул в начале каждого документа. Протоколы расследований в Провансе помогают нам установить особенности процедур допроса и перекрестного допроса, находившихся тогда в стадии формирования. Кроме этого, материалы протоколов расследований содержат латинскую и итальянскую версии

опроса свидетелей. что позволяет сравнить два нотариальных стиля как с историко-юридической, так и с филологической точки зрения. Любопытна и логика опроса свидетелей, предложенная сером Дзаноби. Она является своеобразной, весьма скрупулезной программой установления личности потерпевшей Сибиллы де Кабрис. Последовательно и неуклонно Дзаноби стремится подтвердить факты рождения Сибиллы в Провансе, ее статуса вдовы Аннибала де Мустье и матери Аннибальде де Мустье. Попутно он устанавливает факты рождения в Провансе Аннибала де Мустье, а также Аннибальде. Предпоследний пункт этой программы как будто отступает от общей логики: свидетели опрашиваются по поводу того, как в Провансе произносится слово, обозначающее домашнее животное — козу. Вопрос, однако, не праздный, ибо от этого слова «CABRA», происходит фамилия Сибиллы — «de Cabrigis», которую по-разному произносят провансальцы и итальянцы, что и послужило поводом для того, чтобы Буонаккорси поставили под сомнение личность своей противницы. Эти фрагменты протокола представляют интерес для филологов-романтистов.

Со своей стороны Буонаккорси представляют свидетелям вопросы, которые имеют целью сбить их с толку или поставить под сомнение правдивость показаний. Их «программа» содержит множество уточнений, придирчивых вопросов, доводящих порой свидетелей до состояния раздражения. Так, если свидетель говорит, что Сибилла является действительно вдовой Аннибала де Мустье, ему адресуют вопросы: когда и где был заключен этот брак? сколько времени прошло с тех пор? присутствовал ли свидетель на свадьбе? сколько лет ему тогда было? знает ли он супругов?

Если он подтверждает, что Сибилла является вдовой Аннибала де Мустье, его спрашивают, когда умер Аннибал и при каких обстоятельствах, где он был похоронен. Если свидетель подтверждает, что Сибилла является матерью Аннибальде, его спрашивают, когда Аннибальде родился, сколько ему лет, был ли жив его отец в момент рождения.

Если свидетель заявляет, что Сибиллу и ее семью все хорошо знают, так что личность ее публично известна, его спрашивают, что значит публично известна и сколько должно, на его взгляд, людей знать некую личность, чтобы говорить о публичной известности («publica vox et fama»).

Даже «филологические» вопросы снабжены дополнительными крючками: свидетель должен сказать, как пишется по-

провансальски и по-латыни слово «коза». Для тех свидетелей, которые не умели грамоте, подобный вопрос, по-видимому, звучал издевательски.

Оба вопросника были переведены на латынь нотариусом Гийомом Портанье, и именно эта версия во время опроса свидетелей устно переводилась на провансальский. Не вдаваясь в детали филологического характера (13), отметим хорошее качество перевода провансальского нотариуса с итальянского на латынь, что свидетельствует о его высоком культурном уровне. Впрочем, это не удивительно. Служители закона в странах европейского Средиземноморья были в этот период весьма хорошо образованы.

Свидетели, проходящие по делу Сибиллы — люди различного социального и культурного статуса. Жители г. Риета представлены дворянином, горожанином и нотариусом. Они грамотны, бывали в Тоскане, знают, как там изъясняются. Статус ряда свидетелей из Антревена неясен. Однако поскольку они объявляют себя неграмотными, то, вероятно, это крестьяне. Свидетели в целом покорно отвечают на каверзные вопросы из анкеты Буонаккорси, хотя иногда и позволяют себе иронизировать, очевидно, устав от утомительной процедуры. Так, Гийом Базани не может устоять перед желанием изложить свои соображения, основанные на игре слов. Он говорит о Виллани: «Этот Матвей носит вполне подходящую фамилию, потому что эта фамилия подходит к тому, что он сделал, а сделал он большую гадость, то есть хитрость и подлость» (14). Другой свидетель. Гуго Мойссон, после множества вопросов о том, когда он видел в последний раз Аннибала де Мустье, покойного мужа Сибиллы, отвечает, что ему не случилось видеть Аннибала после того, как тот был похоронен (15).

Свидетели по делу Сибиллы, в том числе и неграмотные, вполне уверенно ориентируются во времени и в пространстве. Их способы отсчета времени отличаются, однако от привычных для нас. Это явствует из их ответов на вопросы, касающиеся различных событий из жизни Сибиллы — заключения брака, смерти мужа, рождения сына. Наиболее прочно они привязывают факты не к определенному году и числу (здесь часто бывают заметные погрешности, легко устанавливающиеся при сопоставлении их показаний с датами нотариальных актов, фиксирующих событие), а к религиозным праздникам. В целом же расследование показывает, что даже неграмотные сельские жители знакомы со счетом време-

ни по годам. Правда, точностью их счет не отличается.

В пространстве жители Риеза и Антревена ориентируются лучше. Они хорошо знают свою округу и населенные пункты, лежащие в непосредственной близости. Однако, выходя за пределы своего диоцеза, они часто теряются и дают приблизительные сведения.

Как было обозначено выше, основной целью расследований в Провансе было установление личности Сибиллы и реальности ее права действовать в качестве вдовы Аннибала де Мустье и попечительницы Аннибальде де Мустье. Таким образом, семейные отношения находятся как бы в фокусе обеих анкет, что дает нам важную историческую и этнографическую информацию. Внимательно проследив перипетии личной судьбы Сибиллы де Кабрис, мы можем составить известное представление о положении женщины-дворянки в Южной Франции и об имущественных отношениях в дворянских семьях.

Заключение брака мыслится провансальцами прежде всего как сложный ритуал, проходящий ряд этапов. Начальную стадию составляют переговоры родителей о материальной стороне дела. Эти переговоры касаются прежде всего размеров приданого и ведутся в виде дискуссии, в которой участвуют близкие друзья обеих сторон. Если родители пришли к соглашению, молодые люди могут встречаться друг с другом. После этого нотариус редактирует брачный контракт, называемый «Установление приданого». Приданое юной Сибиллы де Кабрис (ей могло быть 15—16 лет) невелико, но вполне соответствует имущественному и социальному статусу ее семьи. Вслед за брачным контрактом — церковное венчание — *desponsatio* — сакральная процедура, сопровождающаяся обменом кольцами. Эта процедура осуществляется там, где живут родители невесты и вовсе не означает еще заключения брака. В доме родителей невесты задается пир, а затем на следующий день, кортеж движется в дом жениха, где также устраиваются торжества — *purcie*. Таким образом, вначале *desponsatio*, после этого — *purcie*. Лишь в случае выполнения всех этих обрядов брак считается заключенным. Свидетели по делу Сибиллы де Кабрис обстоятельно и с удовольствием описывают брачную церемонию, особенно ее завершающий этап — *purcie* — в доме Аннибала де Мустье. В этих обрядах мы без труда угадываем пережитки, хотя и сильно трансформировавшиеся, древнего матрилокального брака. Эт-

нографа, без сомнения, привлекут фрагменты расследования, посвященные этому сюжету.

Семейная жизнь Сибиллы прервалась в результате трагического события. Ее муж, как показывают свидетели, будучи большим поклонником рыцарских турниров был случайно ранен копьем в горло и скончался. В возрасте примерно 20 лет Сибилла оказалась вдовой и столкнулась с многими трудностями. Описание этих трудностей содержится в показаниях свидетельницы Раймонды Кабрильяны (16). Несмотря на то, что Сибилла была беременна, родители ее покойного мужа решили выбросить ее из деревни Антревен, заявив, что она спрятала под платье ворох простыней или же подушку. В связи с этим родители Сибиллы прибыли в Антревен, чтобы находиться рядом с дочерью. Затем отец Сибиллы обращается в королевский суд в г. Динь, центр бальяжа, к которому принадлежит Антревен. В обращении он просит освидетельствовать беременность дочери и назначить ей попечителя. В Антревен прибывают чиновники из Диня и назначают нескольких женщин «экспертами» по поводу состояния Сибиллы. Эти дамы освидетельствовали беременность Сибиллы и получили предписание оставаться при ней денно и нощно и не отлучаться всем одновременно под страхом тяжелого штрафа.

Как только Сибилла почувствовала приближение родов, мать ее бросилась на поиски нотариуса, а также родителей покойного Аннибала, сомневавшихся в беременности невестки. Она пригласила вдобавок более двадцати жительниц Антревена, чтобы они присутствовали при родах и могли выступить свидетельницами. Одна за другой, все приглашенные женщины вошли в комнату Сибиллы, причем предварительно их обыскали, дабы они не пронесли тайком какого-нибудь ребенка. Из комнаты вынесли всю мебель, где можно было бы спрятать ребенка. Затем из комнаты удалили мужчин, которые пристроились в дверях и наблюдали за происходящим. Приняв из рук свидетельницы Аислены, жены Иснарда Райньера, новорожденного, мать Сибиллы, Раймонда подняла его повыше и громко закричала: «Вот что породила моя дочь...!» (17). Затем она обратилась к присутствовавшему там нотариусу с тем, чтобы он составил все необходимые документы.

Свидетельство Раймонды Кабрильяны подтверждается другими документами из дела Сибиллы де Кабрис. Каким бы страшным и чудовищным издевательством ни казалась сов-

ременному человеку описанная выше процедура родов Сибиллы, она все же является достаточно близкой к той, которую предписывают в подобных случаях нормы римского права. В XXV книге Дигест, титуле 4. содержится комментарий Ульпиана на фундаментальный текст римского права — эдикт претора. Выдержка из этого комментария приводится Н. Куле для сравнения процедур (18). Лишь немногие нюансы отличают провансальскую практику, ярко описанную Раймондой Кабрильяной, от предписаний классического римского права. Можно, впрочем, предполагать, что Раймонда Кабрильяна, не имеющая ни малейшего представления о римском праве, неверно истолковывает причины всех этих действий, которые производились по отношению к Сибилле. Раймонда связывает их исключительно с недоброжелательностью родителей Аннибала де Мустье. Права ли она?

Внимательное изучение относящихся к делу документов показывает, что, хотя Раймонда и не понимает сути юридического сценария, в котором она приняла участие, ее заявление базируется на вполне реальных фактах. Документ от 5 февраля 1337 г. содержит заявление нотариуса Бонифация Сальвани из Динья о том, что он, будучи назначен попечителем живота Сибиллы (это также предписывается нормами римского права, переносащего на живот беременной женщины права ее покойного мужа), не может составить полный инвентарь имущества покойного Аннибала, так как другие его братья, младшие по возрасту, захватили часть его земель. Свидетельства о запоздалом крещении Аннибальде также подкрепляют позицию Раймонды Кабрильяны. Ребенка не крестили, пока не прибыл брат его деда, клирик высокого ранга, чье вмешательство упрочивало права Аннибальде, оспаривавшиеся де-факто его многочисленными дядьями.

Эти семейные неурядицы, причиной которых является банальный дележ земельного наследства, заставили Сибиллу обратиться за покровительством к королю. В результате в деле Сибиллы осели документы, исходящие из королевской канцелярии и дающие нам сведения о том, как мыслились взаимоотношения между королем и его мелкопоместным вассалом в Провансе в первой половине XIV в.

На этом, пожалуй, можно окончить первичное описание незавершенного дела Сибиллы де Кабрис. Как мы постарались показать выше, его богатый документальный материал может послужить базой для исследователей, представляющих самые различные области гуманитарного знания.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Coulet N. Riffaires d'argent et affaires de famille en Haute Provence au XIV-e siècle. Le dossier du procès de Sybille de Cabris contre Matteo Villani et la compagnie des Buonaccorsi (Archivio di Stato di Tirenze, Mercanzia, 1414 3). — Ecole Francaise de Rome, Palais Farnése, 1992. — 257 p.
2. Люблинская А. Д. Источниковедение истории средних веков. — Л.: ЛГУ, 1955. — С. 322-323.
3. См.: Люблинская А. Д. Источниковедение... — С. 110.
4. Coulet N. Affaires... — P. 1—20.
5. Подробнее об этой компании см.: Luzzati M, Giovanni Villani e la compagnia dei Buonaccorsi. — Roma, 1971.
6. Репрессалиями назывались конфискации товаров и денег у купцов-иноземцев властями земель, где они пребывали. Конфискации производились в случаях, если местные купцы терпели насилие в странах, откуда прибыли купцы-иноземцы. Эта грубая норма талионного права действовала в странах Западной Европы в эпоху развитого средневековья. — См.: Mas Latrie R. de. Du droit de marque ou droit de représsailles au Moyen Age. — Bibliothèque de l'Ecole des Chartes, 1866. — Т. 27. — P. 529—535; 1868. — Т. 29. — P. 294—612.
7. Coulet N. Affaires... — P. 34.
8. Giry A. Manuel de diplomatique, t. 2, P. 1925. — P. 480.
9. Renouard Y. Le Compagnie commerciali florentine del Trecento — Etudes d'Histoire médiévale. — Т. 1. — Paris, 1868.
10. См.: Брагина Л. М. Итальянский гуманизм. Этические учения XIV—XV в.в. — М., 1977.
11. Coulet N. Affaires... — P. 35.
12. Luzzati M, Giovanni Villani... — P. 90.
13. Краткий филологический анализ выполнен в комментарии Н. Куле, см. Coulet N. Affaires... — P. 47—49.
14. По-провансальски слово «vilan» значит «гадкий». Допрос Базани см. Coulet N. Affaires..., dos. — Т. 8.
15. Coulet N. Affaires..., dos. — Т. 1.
16. Ibidem, dos. — Т. 10.
17. Ibidem, dos. — Т. 10.
18. Ibidem. — P. 84—85.